

Л. Н.: „Великий Инквизитор” — это так себе. Но поучения Зосимы, особенно его последние, записанные Алешей, мысли, хороши.

Молоствова: Как начнешь читать Достоевского, возникает протест, но потом захватывает.

Л. Н.: Я очень понимаю, что на него Белинский, кажется...

Молоствова: Я думаю, молодым не следует читать Достоевского.

Л. Н.: Ах, у Достоевского его странная манера, странный язык! Все лица одинаковым языком выражаются. Лица его постоянно поступают оригинально, и, в конце, вы привыкаете, и оригинальность становится пошлостью. Швыряет, как попало, самые серьезные вопросы, перемешивая их с романтическими. По-моему, времена романов прошли. Описывать, „как распустила волосы...”, трактовать (любовные) отношения человеческие...

Софья Андреевна: Когда любовные отношения — это интересы первой важности.

Л. Н.: Как первой! Они 1018-й важности. В народе это стоит на настоящем месте. Трудовая жизнь на первом месте». <sup>188</sup>

Тогда же Толстой подвел предварительный итог чтению в своем дневнике: «Дочитал, пробежал 1-й том „Карамазовых”. Много есть хорошего, но так нескладно. „Великий инквизитор” и прощание Зосимы».

Симптоматично, что, начиная разговор о Достоевском с высокой ноты, Толстой затем переходит к критике и, постепенно раздражаясь, отвергает почти все, написанное этим «странным» писателем. Мнения других только подливают масло в огонь. И уж совсем разговор переходит в семейную сцену, когда в него вступает Софья Андреевна (ее нервное возбуждение стремительно возрастает — приближается развязка семейной драмы). Художественные принципы Толстого были во многом противоположны тем, которым следовал (и которые многократно декларировал) Достоевский. Страхом это тонко прочувствовал и сделал выбор в пользу Толстого. К тому же общеизвестно, что суждения позднего Толстого о литературе (и искусстве) отличались необыкновенной резкостью и нетерпимостью, особенно когда он высказывался о гениальных художниках (Данте, Шекспир, Гете) и «модернистах». Он и евангелистов не щадил. Маковицкий приводит такие слова Толстого, сказанные им 22 октября: «Л. Н. говорил, что сегодня читал часть Нагорной проповеди. Лишнего много, тяжело читать. Написано хуже Достоевского. В этих четырех Евангелиях нашли меньше чепухи, чем в остальных, и сделали их Священным писанием. Замечательно идолопоклонство к словесному выражению (к Евангелию)». <sup>189</sup> «Хуже Достоевского» здесь равнозначно «хуже некуда».

Поразило Толстого и перенесение романа «Братья Карамазовы» на театральную сцену, о чем он говорил, играя в шахматы с А. Д. Радынским, В. Ф. Булгакову 22 октября: «Я читал „Братьев Карамазовых”, вот что ставят в Художественном театре. Как это нехудожественно! Прямо нехудожественно. Действующие лица делают как раз не то, что должны делать. Так что становится даже пошлым: читаешь и наперед знаешь, что они будут делать как раз не то, что должны, чего ждешь. Удивительно нехудожественно! И все говорят одним и тем же языком... И это наименее драматично, наименее пригодно к сценической постановке. Есть отдельные места, хорошие.

<sup>188</sup> Там же. С. 388. Несколько иного рода запись в дневнике С. А. Толстой: «Вечером Л. Н. увлекался чтением „Братьев Карамазовых” Достоевского и сказал: „Сегодня я понял то, за что любят Достоевского, у него есть прекрасные мысли”. Потом стал его критиковать, говоря опять, что все лица говорят языком Достоевского и длинны их рассуждения» (Толстая С. А. Дневники. Т. 2. С. 221).

<sup>189</sup> Там же. С. 392.